

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство
Жизнь на общем языке

Татьяна
Алюшина

Ломаные линии
судьбы

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Редактор серии *В. Горюнова*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

В оформлении обложки использованы фотографии:
© New Africa, Oksana_Schmidt, Viktoriya Krain,
Soho A Studio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Ломаные линии судьбы : роман / Татьяна
Алюшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199450-1

Что может привести к счастливой любви? Внезапное и неодолимое притяжение, сила женского духа, ответственность настоящего мужчины и... криминальная история. Аглая — ювелир по призванию, Игорь — преуспевающий юрист, и они буквально созданы друг для друга. Но, возможно, их знакомства и не случилось бы, не доведись Аглае спасти соседского кота.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199450-1

© Алюшина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

— **А**^{-а-амя-а-а-ы-ы-ы!!!} Бьющий по нервам дикий вой боевого котяры, вышедшего на тропу войны, ворвался в сознание Аглаи, резко и подло изгоняя обволакивавший её уютным тёплым одеялом мирный сон о чём-то очень хорошем, светлом и невероятно приятном...

— Мя-а-а-а-уй-й!.. — заорал пуще прежнего котяра, стремительно переместившись с места, откуда только что доносилось его противное завывание.

Бухнула-громыхнула со всей дури, словно из старинной литой мортиры, квартирная железная дверь на площадке этажа, да так, что от резонансной волны задрожали стены, заставив Аглаю произвольно дёрнуться всем телом от неожиданности, окончательно и теперь уж совсем бесповоротно просыпаясь. Следом за дверным железным бабахом понеслись отборные трёхэтажные маты, выдаваемые соседом. Его глубоко негативные эмоции наверняка разносились по всем девяти этажам их подъезда, приближаясь к высшей стадии предельного кипения мужчины.

Впрочем, как показало краткое и весьма неприятное знакомство Аглаи с соседом, этому индивиду, чтобы закипеть и взорваться, время на «завестись» не требовалось — в конфликт он входил с полтычка, взрываясь

мгновенно, пропуская промежуточную стадию от старта до высшей точки накала «дискуссии».

— «Маша таяла от красивых слов, сказанных тихим мужским голосом без матов», — переворачиваясь на спину, дала комментарий разгоравшейся на площадке баталии Аглая. Цитатка выскочила откуда-то из памяти после того, как она печально вздохнула от осознания, что находится столь близко от «боевых действий» со всей удручающей очевидностью и поспать ей больше не удастся.

А какой был сон, какой сон!.. Такой воздушный, ласковый, немного даже эротичный, в том смысле, что в теле Аглаи нежно и тихонько, лишь намёками трепетало в правильных и нужных местах от чего-то неясного, загадочного. И казалось: вот ещё чуть-чуть, и силуэт незнакомого мужчины, который виделся ей и к которому её так притягивало то самое пресловутое сексуальное влечение, станет более чётким, и он повернётся, и наконец она увидит его лицо и, может, даже узнает, а тут...

— Ва-у-у-а-а-а!!! — заблажил в очередной раз котяра.

...вместо романтически-эротических снов и трепета в девичьей груди — дикие кошачьи завывания, артобстрел дверьми и закрученные винтом мужские хриплонадсадные маты! Зараза!

— Вилли, шкура ты блохастая! — возмутилась Аглая, обращаясь к одному из участников конфликта, продолжавшему голосить дурным ором. — Чтоб тебя!

— Ва-а-мя-а-у-у!.. — словно издеваясь, отозвался предмет недобрых пожеланий девушки.

Хотя-а-а... Судя по заполошному и особо мерзкому кошачьему верещанию, сменившему тональность с по-

бедной на «Караул! Спаситя!», это самое «чтоб тебя» Вилли таки догнало-настигло — и самым трагическим образом, всерьёз «прихватив» за что-то весьма дорогое и ценное.

— Вилли! — Аглая, просыпаясь окончательно, подскочила, резко сев в кровати и только сейчас в полной мере осознав, что на самом деле происходит на площадке их этажа.

— Убью на х...! — неистовствовал, надрывая глотку, сосед. — Тварь, б... я тя, ... удушую-у! Через жопу наизнанку выверну!..

Откинув одеяло, Глаша пулей выскочила из кровати, ринулась к креслу, в которое с вечера перед сном бросила домашнюю одежду, и принялась торопливо-суетливо натягивать на себя шорты с майкой.

Понятное дело, что спасти Вилли от разъярённого мужика, не отличавшегося кротостью нрава, а с точки зрения Аглаи, так и вовсе конченого неадекватности, скорбного на голову (к тому же, судя по диким крикам, в данный момент со всей очевидностью всерьёз психически дестабилизированного), перспективка так себе. И её решение вмешаться было если не ошибкой, то шагом как минимум смелым. И, честно говоря, сильно смелым, на грани бытового идиотизма.

Вообще-то она ни разу не мать Тереза и никакая не защитница котиков и всяческой мимимишности — это вообще не её история. Да и особо тёплых чувств к Вилли Аглая не испытывала, а котов так и вовсе не любила. Ну как не любила — уважала за их разум, хитрость, выносливость и самостоятельность, но не более и при условии, что коты-кошки существуют где-то там отдельно-параллельно в своей кошачьей жизни, никоим образом не пересекаясь и не заходя в её жизнь.

Красивые, милые, пушистые и так далее — но без неё, спасибо.

К тому же если быть честной, то Валерьян сделал всё для того, чтобы сосед мечтал его притюкнуть самым зверским и радикальным образом, и давно откровенно нарывался. Так что воздаяние наглomu котяре было всего лишь вопросом времени. Но и не спастись этого дурынду рыжего — тоже невозможно!

Не столько скотину жалко, сколько Музу Павловну, его хозяйку, которая наверняка сейчас выскочит-нарисует на театре военных действий, кинется спасать любимого питомца и действительно может неизвестно чего огрести, попав под горячую руку и переклинившие от ярости мозги буйного соседки.

Вернее, как раз таки хорошо известно, что может «прилететь» от этого человека, и вполне себе предсказуемо — приходилось сталкиваться, плавали — знаем. А следовательно, необходимо срочно вмешаться и постараться как-то купировать и предотвратить вероятность того, что Музу Павловну могут обидеть или чего и похуже.

Вилли продолжал голосить дурниной. Судя по сопровождавшим бой звукам, в том числе разлетевшихся на черепки у лифтов вазонов и цветочного кашпо, кот носился уже не только по всей площадке, но и по потолку. А за ним, топя так, что полы тряслись, бегал и орал матом, видимо, потерявший от ярости всякие берега соседка с упавшей на глаза «планочкой», перекрывшей разум.

И, уже схватившись за защёлку замка, Аглая остановилась, всего на пару секунд — набраться смелости...

Выходить на площадку и ввязываться в разборки с соседом откровенно не хотелось — очень, очень

не хотелось, вот совсем! Это не её войнушка и не её дела — и кот ненормальный, злопамятный зверский мститель, да и сосед этот реальный бандюган и придурок, может что угодно вытворить, но...

«Да блин, блин, блин, ёжики шипастые! Ладно!» — выдохнула она.

Ладно, чего уж теперь — идём встречать, спасать и натужно геройствовать, раз уж такой расклад сложился! Как бы там страшно-престрашно ни было, но уши не заткнёшь, громко напевая «ла-ла-ла» и ожидая, пока само собой всё закончится.

Оно, конечно, закончится, но вряд ли как-то хорошо и приятно.

И, словно подтверждая мечущиеся перепуганные мысли Аглаи, с площадки, где ситуация явно развивалась по пути стремительной эскалации, как говорят военные специалисты, раздался резкий звук громко хлопнувшей деревянной двери, ведущей на лестницу, звон разбивающегося вдребезги стекла и новая порция ора и матюков.

— Ну всё! — выдохнула решительно Аглая, отпирая замки.

И в самый последний микромомент, на каком-то инстинкте и стукнувшей откуда-то свыше в голову идее-подсказке, она схватила с тумбочки в прихожей смартфон, который всегда оставляла там на ночь. Дрожащими пальцами активировала, пролиставла чаты в мессенджере, судорожно соображая, кого же набрать...

Кого, кого?.. Кто может помочь?

Уже распахивая дверь и делая шаг на площадку, Аглая тыкнула в попавший на глаза знакомый номер, нажимая на видеозвонок.

— Вя-а-а-у-уу!!! — раздался очередной загроможденный, перепуганный вой.

И откуда-то слева к Аглае ринулась, как прочерк в пространстве, стремительная рыжая молния. Не успела она ничего сообразить, как огромный боевой котьяра вскочил ей на грудь, вцепившись всеми четырьмя лапами, предварительно выпустив отточенные когти.

— Ё-о-опе-е-еть! — непроизвольно проорала Глашка от вспышки боли в плечах и боках, в которые впелись кошачьи когти-сабли, вплетая свой голос в общую звуковую какофонию конфликта.

— Мя-а-ая-а! — блажил Вилли прямо ей в ухо.

— Б...! — орал мужик, разворачиваясь всем корпусом своего здорового тела.

С озверевшим выражением свекольно-бурого от ярости лица он уставился на девушку ошалелым взглядом глубоко посаженных глазок-бурвчиков.

И в этот самый момент распахнулась соседская дверь справа, в углу площадки, выпуская на сцену хозяйку того ужаса, что устроил весь этот бедлам с переполохом, — растрёпанную, перепуганную, явно наскоро одевшуюся Музу Павловну.

Ну вот и вся труппа в сборе!

А нет, не вся. Торопливо прогрохотал отпирающийся замок соседней с Аглаиной квартиры, и на площадку вышел молодой парень, арендатор данной жилплощади.

— Чё за кипеш, френды? Кого мочат? — поинтересовался он со смешком.

— Вилли?! — обеспокоенно, но достаточно ровным и строгим тоном поинтересовалась Муза Павловна, мгновенно безошибочно найдя взглядом своего любимца, раскорячившегося, словно его распяли, на гру-

ди у Аглаи. И ринулась к девушке, протягивая руки: — Ты снова что-то натворил?

После столь «сильного» в данной ситуации вопроса площадку накрыла шоковая тишина.

Немая сцена! Вся охреневают! Созерцая, что именно натворила эта сволочь.

И в этой наэлектризованной, напряжённо застывшей, почти осязаемой тишине неожиданно резко раздался голос из смартфона Аглаи, который она продолжала держать в поднятой руке. Он прозвучал как удачный режиссёрский ход в каком-нибудь боевитом кинотриллере, когда ситуация напряжена до предела, все тычут друг в друга пистолетами, зыркают враждебно, а тут...

— Глаша, что у тебя там случилось?! Что за свара?! Тебя обижают?! — рокотал смачным, весомым басом разволнованный за любимую племянницу дядечка родный.

— Ещё не обижают! — рявкнул, отмирая первым, буйный соседущка и направился к Аглае с явно не дружественными намерениями, пообещав на ходу: — Но сейчас будут!

— Э-э... — Девушка попыталась отступить назад, испугавшись перекошенной от ярости зверской рожи мужика, но упёрлась спиной в дверь своей квартиры.

А вот нет, нет у нас пути назад, оказывается.

А сосед буйный как-то в один момент образовался возле неё и уже тянул свою лапищу к Вилли, начавшему шипеть, прижимая уши к голове, а голову к груди спасительницы и глядя дурным взглядом на надвигающуюся карающую вражью десницу. Кот был готов в любой момент напасть в ответ и задорого отдать свою жизнь.

— Вы, гражданин, не хамите прокурору! — переполошно тонко пискнула-крикнула Глашка, у которой мгновенно пересохло со страху горло.

— Какому прокурору?! — пророкотал мужик, оставив тем не менее руку, тянущуюся к коту, и резко придвинувшись лицом к её лицу.

— Вот этому! — Аглая произвольно отпрянула от его наскока, пребольно стукнувшись затылком о дверь.

И эдак указующе, поверх распластавшегося на ней и продолжавшего утробно, предупреждающе подвывать котяры, потыкала пальцем правой руки в экран смартфона, который продолжала держать в режиме прямой трансляции в левой.

— Ты что там, охренел, убогий?! — явно в момент просек ситуацию и подхватил тему любимый дядюшка, тут же наехав грохочущим командно-начальственным тоном на обидчика племяшки: — Ты на кого попер, сиделец?!

— Ты кто такой, дятел? — борзо наехал в свою очередь сосед, переведя взгляд с лица Аглаи на экран, слегка всё ж таки спустив пары ярости.

Видимо, на всякий случай. Что-то он там разглядел такое в собеседнике, насторожившее его.

— Я? — многозначительно переспросил, чуть хотнув, Николай Валентинович, и уточнил весело, но с явно читаемым генеральским металлом в голосе: — Ты всерьёз спрашиваешь? — И тут же переключил своё внимание на Аглаю, полностью игнорируя мужика, как пустое место: — Глаш, тебе наряд прислать или сама там справишься?

— Я думаю, дядя, мы тут сами разберёмся, — сказала Аглая, наблюдая, как меняется выражение лица

соседа с агрессивно-яростного, убийственного на несколько задумчивое. И добавила, судорожно сглотнув: — По-соседски... Виктор Юрьевич уже остыл и, думаю, необдуманных поступков совершать не станет. Правда, Виктор Юрьевич? — провокационно поинтересовалась она.

— Опф-ф-ф, — издал нечто непонятно-неопределённое мужик, явно не врубаясь до конца, что «вааще» происходит и почему и как вдруг он резко-неожиданно перестал управлять ситуацией и доминировать в раскладе.

И промолчал. Ну так. Опять на всякий случай.

Такие индивиды, как этот самый Виктор, прости господи его папу, Юрьевич, при всей своей нездорово завышенной самооценке и ощущении себя хозяином жизни и звездуном великим, очень чётко, практически безошибочно считывают и чувствуют людей, облечённых властью, как и определяют уровень статусности таких людей и их полномочий. Вот в момент.

На уровне врождённого инстинкта. Это в них прямо заложено, прошито в подкорке, как способ самосохранения. И «бычить», наезжать на человека, от которого может прилететь конкретная ответка, и хамить тому хоть намёком такие «господа» никогда не станут. Никогда. Остерегутся.

И что там услышал и понял про дядюшку любящего Виктор, непонятно, но что-то всё ж таки понял и выводы про себя какие-то сделал... И отступил.

— А то, может, всё-таки наряд отправить? — озабоченно переспросил дядюшка. — Ребята быстро подъедут.

— Не надо наряда, — отказалась вторично от предложения Аглая.

— Ну, смотри, — нехотя согласился Николай Валентинович и строго предупредил: — Тогда всё, у меня дела. Перезвоню через часик, перепроверю, как ты там.

— Хорошо, — трепетной «нежной розой» улыбнулась заботе дядюшки племянница.

И нажала отбой, наконец опуская руку с телефоном.

Отступить-то соседка отступил, но ему срочно требовалось скинуть на кого-нибудь всю свою кипучую, не реализованную наказанием ярость, а поскольку с Аглаей «воздаяние» не задалось и не случилось по причине препятствия в виде непонятого дядюшки, то...

Он здоровой дурмашиной всего своего бычьего тела развернулся и попёр на так и застывшую в паре шагов от Аглаи с протянутыми к любимому Вилличке руками Музу Павловну.

— Я тебя предупреждал, что по х... мне все твои защитники и кота твоего удавлю, когда поймаю? — медленно надвигаясь на старушку, тихим страшным тоном спросил мужик. — Предупреждал?

— А я, кажется, предупреждала вас, Виктор Юрьевич, — остановил его неумолимо-устрашающее движение ироничный голос Аглаи, — что вам бы следовало, прежде чем наезжать и угрожать кому-то, для начала всё-таки выяснить и уточнить, кому вы угрожаете и хамите. Может ведь и ответочка прилететь. И неслабая, — пугала Глашка с огоньком, понимая, что вот прямо сейчас физическая расправа ей не грозит.

Мужик замер на пару мгновений, потом медленно всем телом развернулся обратно к Аглае и, начиная заново наливать дурной звериной яростью, сузив свои глубоко посаженные глаза, зашипел, указав пальцем на Вилли:

— Эта скотина б...кая насрал на мой дверной коврик! — Он резко выдохнул через нос, только что пар не пуская ноздрями. — И я, б... на... вдрыпался в его дерьмо!

«Ага, значит, всё-таки “награда” нашла своего героя», — подумалось как-то истерично-злорадно Глаше, чуть не заставив нервически хохотнуть.

— А-а, — хохотнул парень, о присутствии которого в пылу словесных баталий и напряжённости момента все забыли, — так вот кто нам тут помойку и кошачий отстойник организовал. Не, ну это конкретное попадалово, — непонятно с кем солидаризовался он.

— Ну что ж поделаешь, это животное, он не всегда справляется со своими инстинктами, — ровным, спокойным тоном произнесла Муза Павловна, опустив наконец руки, и запахнула халат.

Мужик снова резко развернулся на пятках в её сторону, гневно, по-драконьи выдохнул, помолчал, буравя пожилую женщину взглядом, полным ненависти, видимо, справляясь с душившим его гневом, и произнёс, словно выплюнул:

— Убью. Поймаю и убью эту мразь б...кую обязательно! А не угомонишь тварь свою, и тебе прилетит! — пообещал он Музе Павловне.

Развернулся и прошагал мимо Аглаи, замершей с Вилли на руках, к лифтовой площадке.

А женщины и оптимистичный парень так и остались молча, замерев, стоять, прислушиваясь, как поднимается и останавливается на их этаже лифт, как входит в него мужик, хлопая дурниной в сердцах по кнопке на панели, как закрываются автоматические дверцы... и только после этого «отмерли» одновременно.

— Вилли, — строго-укоризненно попеняла питомцу Муза Павловна, направляясь к Аглае, — ты снова задирался к этому человеку. Я же просила тебя и требовала обходить его десятой дорогой и прекратить свой террор. — Она повторно протянула руки к коту, намереваясь забрать его у девушки.

Но Вилли в любящие руки хозяйки явно не спешил, а, коротко-истерично мявкнув, прижался к Глаше ещё сильнее.

— Что это с ним? — удивилась Муза Павловна.

— Стресс, — пояснила Глаша. — У меня, кстати, тоже. Между прочим, эта св... — она остановила себя от рвавшегося к озвучанию эпитета, — Вилли вонзил в меня все свои когти, и что-то мне подсказывает, что ваш любимый котик не собирается их прибираться.

— Боже мой! — всплеснула руками от расстройства пожилая дама и тут же переключилась на деловой тон. — Так, идёте ко мне, дорогая, — осторожно взяв Аглаю под локоток и направляя к распахнутым дверям своей квартиры, распорядилась она. — Сейчас мы Вилли отцепим, стресс снимем, травмы замажем и полечим.

— Ну ни хрена у нас тут дела творятся, — высказался всё в той же бодро-весёлой манере сосед. — Не, я понимаю, чел этот, конечно, терминатор конкретный, да ещё и с шизой, но чего на него ваш котьяра-то взъелся?

— Идёмте, — согласилась Аглая с предложением Музы Павловны, проигнорировав веселящегося соседушку. И, деревянно поворачиваясь ожившей статуей, дабы лишним движением не добавлять себя страданий от застрявших в коже когтей, двинулась, увлекаемая маленькой, сухонькой, но твёрдой рукой.

Стоило их «процессии» переступить порог и оказаться в прихожей соседской квартиры, как Муза Павловна каким-то стремительным, коротким движением исхитрилась так ловко прихватить Вилли за загривок, что тот, мгновенно спрятав когти, отцепился наконец от Аглаи, позволяя хозяйке перехватить его у девушки и прижать к себе.

— Э-э-м-м-м... — скривилась Глаша от болевых ощущений в растревоженных ранах-царапинах.

— Сейчас-сейчас, я вам помогу, — заторопилась соседка. — Идёмте скорей в гостиную, Аглая. У меня имеется чудодейственная, лечебная мазь, исцеляющая мелкие травмы, порезы и царапины, — объясняла Муза Павловна, бодро двигаясь впереди девушки. — Уже много лет для меня её делает по специальному рецепту одна замечательная дама-провизор.

— Давайте вашу чудо-мазь, — вздохнув, согласилась Аглая, присаживаясь на диван, куда ей указала хозяйка.

Муза Павловна осторожно уложила притихшего Вилли в кресло и вышла из комнаты.

— Ну что, Валерьян, — усмехнувшись, обратилась к коту, смотревшему на неё все ещё ошалевшими после боя глазами, Аглая, — наделал дел, да? Осуществил свою ужасную месть так, что все под раздачу попали.

— Да уж, отметился, — поддержала укор девушки Муза Павловна, возвращаясь в гостиную с аптекарским пузырьком и ватными дисками в руках. — Уж что я только ни делала: и запирала его, купив новый большой кошачий туалет, чтобы он мог справлять свои интимные дела дома... И он его прекрасно освоил! Только сидеть безвылазно в квартире для Вилли смерти подоб-

но, пришлось отпустить. А сколько я его уговаривала оставить этого человека в покое, но...

Она тягостно вздохнула и села рядом с Аглаей, окинула девушку изучающим взглядом и, вздохнув опять — теперь сочувственно, произнесла извиняющимся тоном:

— Глашенька, вам надо снять футболку, чтобы я могла обработать ваши раны. — Муза Павловна вздохнула ещё разок. — Боюсь, что эта ваша вещь окончательно испорчена. — И решительно заявила: — Я компенсирую вам убытки.

Аглая опустила голову, рассматривая те самые упомянутые убытки, удостоверившись, что они таки имеются: мало того, что рукава футболки обзавелись дырками в тех местах, где её проткнули кошачьи когти, так вокруг этих дырочек ещё набухла кровавая окантовка.

— Да бог с ней, с футболкой, Муза Павловна, о чём вы говорите, — отмахнулась она от такой ерунды.

— Мне неловко, что из-за нас вы снова пострадали, — вздохнула покаянно соседка, щедро выдавливая на ватный диск чудо-мазь и приступая к обработке полученных Аглаей царапин-дырок от когтей.

— Ну, в прошлый раз пострадал только Валерьян, — напомнила Аглая и зашипела: — Тщи-и-и... Щиплет-ся! — пожаловалась она.

— Потерпите немного, сейчас пройдёт, — пообещала соседка и вернулась к теме их разговора, продолжая обрабатывать царапины: — Но в тот раз вы сильно испугались, получили психологический стресс, кинувшись защищать Валериана и меня, да к тому же вынуждены были переносить важную встречу, что, без сомнения, отразилось на вашей работе.

— Не сказала бы, что какой-то прямо такой тяжёлый стресс тогда получила, и встреча моя состоялась чуть позже, — попыталась пожать плечами Аглая, но тут же резко передумала вообще двигаться, с шипением втянув воздух через зубы, отчего чуть придушенно пояснила: — Вот ещё, бояться мурло всякое...

— Аглая, — посмотрела на неё с очень серьёзным выражением лица Муза Павловна, — сколько раз я вам уже говорила и предупреждала, что этот Виктор не такой уж однозначный неандерталец, как выглядит, и весьма опасен. Он не просто хамоватый, резко агрессивный и грубый человек, а явно мстительный и злобный, который никогда и никому не прощает своего унижения. Он понимает и признаёт только силу и считается только с людьми, способными дать ему реальный отпор и стоящими выше его по социальному статусу. Не стоит его недооценивать и провоцировать. — И, наклонившись поближе к девушке, заглянула ей в глаза. — Меня-то есть кому защитить и есть кому заступиться за нас с Валерьяном и серьёзно окоротить и приструнить эту неприятную личность. И вы знаете, что мои родные уже предприняли некоторые шаги в этом направлении. А за вас?

— Ну-у-у... — задумчиво протянула Аглая.

— Этот ваш дядя действительно прокурор? — осторожно уточнила Муза Павловна.

— В числе прочего и прокурор, — рассмеялась легко Аглая и пояснила: — Дядя Коля актёр. Причём очень хороший, талантливый, заслуженный артист, между прочим. Служит в Новосибирском драматическом театре. Прокуроров он играл, и не раз, в том числе и в кино. Но главное, он очень умный и мгновенно

сечёт ситуацию, вон как подыграл племяннице, с ходу, как говорится, вошёл в кадр, — хохотнула она.

— Всё это замечательно, конечно. И радуется, что у вас с дядей такие тёплые родственные отношения, — вздохнула тяжело Муза Павловна. — Но опасно. С такими типажам, как наш сосед, лучше не играть ни в какие игры, а в идеале вообще не связываться и обходить дальней дорогой.

— Вы его боитесь, Муза Павловна? — в момент перестала веселиться Аглая.

— Боюсь, — повторила тяжкий вздох соседка, — но не за себя, за вас и Валерьяна. Такие типы весьма непредсказуемы в своей злобе, поощрённой, как я понимаю, годами безнаказанности. — Она задумалась и добавила: — Или предсказуемы, что ещё хуже.

— Ну, дядя у меня, может, и актёр, зато папа моей близкой подруги точно прокурор, да и мой батюшка, как он сам изволит выражаться, не трамвайный кондуктор, — постаралась взбодрить старушку шутливым тоном Аглая.

Но вообще-то Муза Павловна в чём-то определённо права: Виктор этот Юрьевич на самом деле персонаж весьма неприятный и опасный, что есть, то есть. Такой достаточно ярко выраженный реликт — типаж «братка» образца лихих девяностых, из числа тех самых «пацанов», которому на пути к успеху, по всей видимости, удалось кое-что урвать, отщипнуть от того самого призрачного успеха и при этом чудесным образом остаться в живых, и весьма благополучно.

Без «спецодежды» в виде малинового пиджака или спортивок известной фирмы, а во вполне себе дорогом богатом прикиде крутых марок. Но натуру, она же привычка, никуда ж не денешь, тряпочками не прикроешь